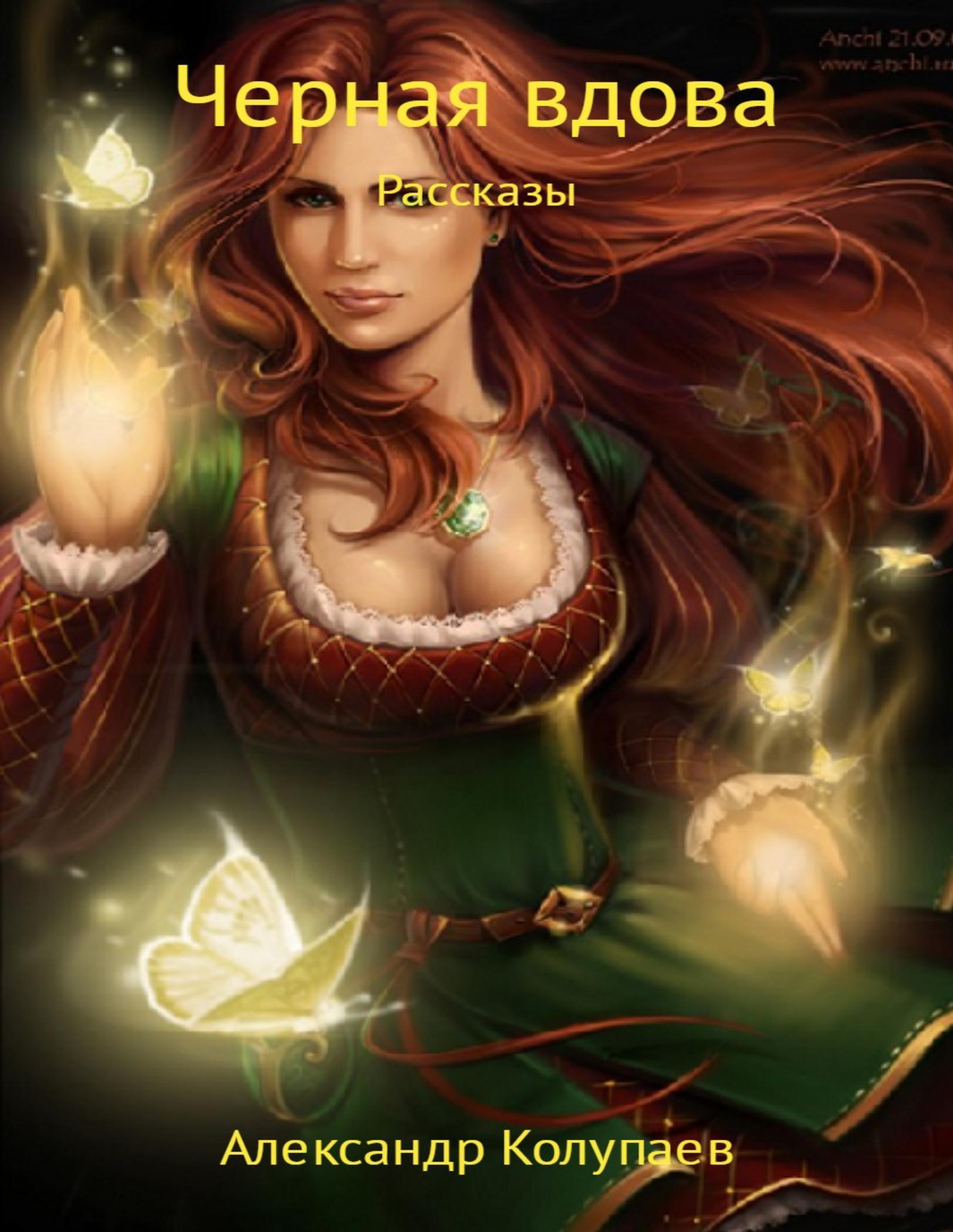

Черная вдова

Рассказы

Александр Колупаев

Жила когда — то среди гор прекрасная девушка. Многие джигиты были просто без ума от её красоты. Но любила она простого пастуха. Понятное дело — вся родня воспротивилась их свадьбе! Решил отец отдать её в жены толстому богачу. Перед свадьбой надела красавица черные одежды, взобралась на высокий утес и бросилась вниз! С той далёкой поры душа девушки не успокоилась и бродит в окрестностях тенью. Многие местные пастухи видели её легкую, как бы скользящую над землей фигурку в черных одеждах, и прозвали её «черная вдова».

А просить-то, надо уметь!

Банальная история — есть у меня старинный друг. Так вот речь пойдет не о нем, о его сыне. Сын от первой жены и отношения с ним они не поддерживали почти двенадцать лет. Алименты на сына он платил исправно, но вот, наверное, жена настраивала сына против отца. Да пусть ей бог будет судьей! Погибла она в автомобильной катастрофе вместе со своим новым мужем, не справилась с управлением на горном серпантине и ушла машина вниз, кувыркаясь на крутом склоне, метров триста....

Сын, а зовут его Кириллом, остался один и стал налаживать контакты с отцом. Надо сказать, что поначалу отец был, не особенно рад вновь приобретенному сыну.

Характеры слишком разные. Но потом притерлись, подружились и породнились. А вы как хотели? Сын почти не знал отца, отец — сына.

А началась вся история на новый год. Так получилось, что гостил я в ту пору у них и встречали мы этот всеми любимый праздник вместе. Кирилл, которому к тому времени исполнилось двадцать семь лет, радовался приходу нового года вместе с нами.

Когда ещё стрелки часов не сошлись в одну строчку на двенадцати, все стали загадывать желания. Поверие такое бытует: если загадать желание на последних секундочках года уходящего, то исполнится оно обязательно! А как же! Все галдели разом, поднимали бокалы за год уходящий, делились желаниями. Праздничная суэта, одним словом.

— А ты чего сынок не загадал для себя ничего? — обратился отец к Кириллу, когда улеглись пожелания и поздравления.

— Да чего желать-то? Сказки все это, так развлекуха.... Желания можно осуществить только тогда когда у тебя есть деньги. А с большими деньгами и черт тебе не брат! — Кирилл равнодушно ковырялся вилкой в салате.

— Ну не скажи, не скажи! Вот у меня точно одно желание сбылось! Нужно только верить и все! Вот ты бы что загадал? — не унимался подвыпивший отец.

— Да так, по мелочи... — равнодушно ответил Кирилл, — В Испанию съездить, на замок Альгамбру посмотреть, да с королевой подружится (чуть не написал — переспать!)

— Ну, с королевой, эт самое, тут и Дед Мороз не поможет! А вот замок этот, испанский, он-то тебя, чем приманил?

— Да там колонн, говорят тысяча восемьсот, и ни одна на другую не похожа!

— Колонны — это хорошо! А я вот загадал что ты меня в наступившем году, познакомишь, наконец-то, со своей избранницей!

— Раз желание под Новый Год загадано, так и быть — познакомлю!

Вот за это и выпили.

Вчера, проездом, суетливо, да поспешно, был у меня Николай. Отец Кирилла. Всего-то сутки погостил, спешил домой. Новый Год, все-таки семейный праздник. Посидели, выпили, вспомнили друзей, близких, как у кого сложилась жизнь за этот год.

Желания наши тоже вспомнили....

Тут Николай оживился и поведал мне историю, что случилась с его сыном. Постараюсь не упустить подробностей из его рассказа.

«Кирюха мой, весной, получил наследство. Не весть какое, но поди ты — домик в деревне! Это только в рекламе: «Хорошо иметь домик в деревне!» А на самом деле, домик в деревне имеет тебя! Домик этот, бабушкино наследство, не стал тащить мой сынок на себе. «На кой мне этот домишко? Это наследство — как чемодан без ручки, и тащить тяжело, и бросить жалко!» Короче — продал он его. Пять тысяч баксов, невесть какие деньги, но считай, все-таки сумма! Говорил я ему: «Положи на депозит, через тройку лет, добавим, и купишь себе неплохую квартиру» Ну куда там! Поехал в Испанию, колонны эти считать...

Познакомился он там с девушкой, говорит на пару лет младше его. Не знаю, какие спагетти он ей на уши вешал...

— Спагетти — это в Италии, — прервал я его.

— Да ладно, запудрил, одним словом ей мозги! Вишь, он этот самый испанский, тихонько учил для себя, а английский, так в спецшколе все олимпиады его были. Одним словом и красноречием, да и внешность у него — ты и сам видел, какой статный мужчина мой сын! Одним словом — очаровал девчонку. А когда он с помощью спички, да скотча, купленного в магазине, починил этой иностраночке, наушник от её плеёра, тут дело легче пошло.

Короче, сорвал он парочку, другую, испанских ромашек, что росли на клумбе возле отеля, и к ней по пожарной лестнице, на третий этаж! На романтику потянуло, нашего Дон Жуана. Так вот и до утра прогадали они вместе, на этой ромашечке, да в одном номере. А через три дня, когда вечером, снова постучался мой Кирюха в её номер, то открыла дверь, старуха, с таким носом, что он даже забоялся, вдруг это Баба Яга!

А где, спрашивает, леди помоложе, что тут жила? Бабка, эта, головой мотает, нет, мол, никого в номере. Только одна она тут из этих, из ледей, осталась, хочешь — бери!

Кирилл бегом вниз, к портье, как, мол, и так: куда дама из номера подевалась? Тот — сразу огорчил, уехала мол, твоя красавица, а что не попрощалась, так-то не её вина. Приехали за ней два джентльмена, нет, не беспокойтесь, на автомобиле и шофер дверцу почтительно открыл и придержал. Нет не похищение, просто срочно уехала.... Почему не сообщила? Он не знает.

Почесал затылок мой сынуля — бывает, да и пошел дальше смотреть на местные, заморские диковинки. А вот месяц назад, пришла на его адрес бумага. С гербами и разными там завитушками — приглашение, значит, в гости зовет его иностранная пассия! Не встречала, пишет, таких веселых, рукастых и изобретательных ухажеров. А сваталось не мало! А как же, внучатая племянница королевы Монако!

Уехал он, звонил вот на днях, все дело, говорит, к свадьбе идет! Так-то вот, под Новый Год, просить надо уметь!

Вот блин! Чуть не забыл! А колонн-то точно тысяча восемьсот оказалось!»

Валерка.

Черным вихрем пролетела последняя война по селам и деревням нашей области. И, хотя, на нашей земле не гремели бои, но мобилизация частым гребнем вычистила почти всех мужчин, а оставшиеся бабы, да девки изнывали в тяжком труде. «Все для фронта, все для победы!» лозунг этот висел не только в сельских клубах, да конторах, он был в сердце каждого жителя нашей области.

Почти у самого истока Белой Убы, в десятке километров от скалистой громады, поросшей кедром горы Синюхи, стоял поселок лесорубов — Кедровка. Пять десятков домов, контора лесоучастка, изба-читальня, она же клуб, вот и весь поселок. Не ищите вы его на карте, нет Кедровки, разъехались кто, куда последние жители, давно разъехались, в 58 году. Однако в военные годы жизнь кипела и в этом медвежьем углу. В летнюю пору бабьему, да вдовьему трудовому населению нужно было не только выполнить план по лесозаготовкам, но успеть вырастить огородину, запастись сеном для лошадей и редких коровенок. Хорошо было еще подспорье — подрастающие мальчишки, всего пятеро, а в сенокос, свозить там копны, да и с вилами под скирдой подавать высохшую душистую траву, хорошая подмога. За главного был у них Валерка, 15 лет, а суждение и хватка в делах — любой взрослый позавидует! Так и выросли они в трудное военное лихолетье. «Ничего, порой мечтали они, *вот вернутся отцы, отдохнем!*» Вернулись, но не все, на Валеркиного отца еще в 41 пришла похоронка. Всего то и пришло с фронта 6 человек, а уходило 54. Да и на троих пришедших надежды было мало — калеками пришли с войны. Деревенька воспрянула было духом — гуляли два дня, а как же? За победу, за вернувшихся односельчан, можно было. Мальчишки и те захмелели от медовухи. Валерка вот только не пил, характер у него был упрямый, твердый как гранит на белопенных перекатах реки, сказал как-то раз «Не буду ни пить, ни курить, ни к чему мне это» Сказал — как отрезал.

Настали трудовые будни. После победы дел не поубавилось. Вот только фронтовики соберутся вместе и по сто «фронтовых» примут, не торопятся работать. «Мы свое на фронте выстрадали, под смертью столько годков хаживали!» отвечают какой либо урезонивающей их бабенке. Та и отстанет. Косы да вилы на плечи и на дальние лужки пешком, сенокосная пора коротка в предгорьях.

Приехал в один из дней в деревню племянник дяди Пети, навестить солдата вернувшегося с войны. Чудно был одет — брючки черные, узенькие, рубашка беленькая, на груди какие-то рюшечки, оборочки, как на бабьих кофточках, на ногах черные ботиночки, блестят лаком, это-то по нашей пыли! «*Чего это ты, Колян так вырядился?*» донимали его мальчишки, Объяснил он им: «*Предки мои, в восьмом колене были испанской знатью, гранды испанские богатющие*» «*Да откуда ты это можешь знать?*», «*Генеалогическое древо свое составлял, по архивам да библиотекам*» парировал выходкам мальчишек Колян. «*Какое еще геологическое дерево?*» изумлялись парни. Затеяли было дразнить его, да вертким оказался городской парень, разбил быстро парочку носов, а когда местные схватились за колы, деревянный шест в его руках чудным образом выбивал из рук нападавших их грозное оружие. «*Темнота, смеялся Колька, фехтовать научится надо было, нет мне среди вас равного!*»

Приуныли парни — а как же, наших бьют! Валерки в ту пору в деревне не было, покос далёко, чего зря туда-сюда мотаться, вот и рассудил он — оставаться на покосе пару ночей.

Лошаденка его отдохнет, попасется в ночном. Волков не опасался он, в летнюю пору не опасны они, а вот медведи! Но у Валерки и тут припасена была хитрость — насобирает он за

кузницей железяк разных ржавых, да не годных, поджег на каждой из них порошу понемножку, да и разложил вокруг своего стана. Не пойдет медведь дальше, если почует железо и запах пороха, ученые они на это, самой жизнью ученые.

В субботу въезжает Валерка на своей лошадке в деревню, а о лошади его надо сказать отдельно, особенная была лошадь, как собачка слушалась Валерку. Кто другой сядет на неё, вроде все команды выполняет, а не так, все норовит то резко повернуть, то враз остановиться, не управится с ней никак! Так к ней никто не подходил, все признали её хозяином Валерку, да и кличку дали лошади тоже — «Валерка», по имени хозяина.

Проезжает Валерка на своей лошадке мимо клуба, а там парни вместе с этим — «испанским грандом» кучкуются. Как увидели, и давай зубоскалить: «Во! Валерка на «Валерке» едет!»

Колька у них теперь вроде за жожака, каждому охота перед ним показаться. Подходит он к Валерке и говорит: «Ну чё, дай прокатиться?». Валерка с удовольствием слез с лошади: «На!»

Стал в сторонку и смотрит, как дальше будут развиваться события. А Колян ботиночки лопушком обмахнул и на Валерку-лошадку взгромоздился. Та только ухом повела. Понукнул её всадник. Понеслась лошадь бодрой рысью. «Стой! Стой! заблажил Колька». Кое-как развернул её обратно и к клубу подъезжает. Вспомнил про поводья и натянул их. Лошадь встала как вкопанная. Через её голову кубарем скатился «испанский гранд» Колька с лошади и брякнулся в пыль. Ну не разбился, а вот обиды и злости много в нем сразу накопилось. Да и как её не быть — ржут парни, а на крыльце девчонки заливаются от смеха.

Колька сразу к Валерке и за грудки его давай трясти: «*Все ты, орет, со своей дурацкой лошадкой!*» Валерка так легонько его руки отвел, чудно так перехватил, не по-деревенски крутанулся, и Колька брякнулся на колени в пыль. «*Ах, ты так!*», злость и обида вскипели в крови «испанского гранда», Оторвал он кол поухватистей от ограды и на Валерку. Парни не успели даже встать между ними! Валерка с места не сдвинулся, только боком повернулся и на удар выбросил правую руку вперед и вверх, раз, поворот и Колька снова кувыркнулся через собственное оружие. «*Все, спокойно так сказал Валерка, надоел ты мне!*» Кинулись мы к Валерке: «*Что, да как, научи и нас так же!*» Отмахнулся он: «*Потом, потом*», говорит. Развернулся и пошел напрямиком к подвыпившим фронтовикам. Те, отдыхая, сидели на лавочке, дымили махоркой и наблюдали за потасовкой парней.

«*Что, отцы, защитники, сидим, отдыхаем?*» — на Колькин вопрос они только бровью повели.

«*Мы, трудились не покладая рук, «Все для фронта, все для победы!*», думали — вот вернетесь вы, жить полегчает, а вы? Пиво, да самогонку день-деньской хлещете, толку от вас никакого!» «*Ну, ну, ты полегче, пацан*» — лениво огрызнулся Валеркин сосед, дядя Ваня, «*походил бы под смертью, с наше, так знал бы почему он этот фронтовой порох!*»

«*Не моя вина, что годами не вышел и на фронт не попал, а попал бы, так не драпал бы до Москвы, пока задницей в Кремль не уперся*», эх как понесло Валерку!

Фронтовики аж задохнулись от гнева: «*Ну, ты, щенок, мы кровью своей, жизнями своими, победу добыли, а ты нас срамить, да поганить вздумал!*»

«*А что бы без нас, нашей помощи стоила ваша кровь да жизнь? срезал их порыв Валерка, а вернулись вы и за работу? Так сразу бабам да нам пацаняткам полегчало? «фронтовые сто грамм, фронтовые сто грамм», только и слышно от вас, да перекуры бесконечные, лишние рабочие руки так сейчас ох, нужны!*»

Переглянулись мужики, потупились: *«Ты нас не кори, привыкли мы к выпивке, да крепкому табачку, вот повзрослеешь и сам пристрастишься, понимать нас тогда станешь»*

«Ни пить, ни курить я не буду, твердо заявил Валерка, глупости это все, человек без этого обходиться может. Вот, если курить человеку было необходимо, так он с трубой на голове рождался бы, дым выходил легко, а пить было так важно — то три ноги у него было бы, домой всегда доходил, не в пример некоторым не валялся под заборами! А для работы и всего остального у него все есть!» Дружно захохотали мужики, покрутили головами и потихоньку разошлись по домам. Назавтра вышли все на работу. Урезонил их Валерка!

Приезжал он один раз, лет пятнадцать назад приезжал. Перестройка всю уже прошла по селам да городам катком нищеты да безработицы. Ученым он стал, а как же? Валерка, он упрямый — своего добьется. Нашел каким-то образом меня, и поехали мы на родное пепелище. А что? Очень даже, похоже! Бурьян да крапива, березки вымахали на месте нашей улицы, и только река все также вгрызалась в крутые бока валунов. Прошлись мы по местам, где стояли наши бревенчатые дома и потянул меня Валерка дальше в тайгу. Прямоком на дальний покос. Нашел он одному ему приметное место и стал разгребать землю под замшелым валуном. *«Ну, думаю — клад ищет!»*

Выгаскивает он березовый туесок, оттряхнул от земли, береза она не гниет годами в земле.

Ножом срезает пропитанные дегтем кожаные ремешки, а под крышкой — сплошной комок воска!

Поковырял он, аккуратненько, этот воск и достал оттуда четыре тетради, простенькие тетрадочки, но старинной, дореволюционной работы. *«Это мне отец завещал, а ему дед»* ответил на мой вопрос Валерка. Пока шли обратно, поведал он мне свою семейную историю. Дед его служил царю — батюшке в особых войсках, это что-то вроде наших спецназовцев. В тетрадках тех, сборник всех приемов рукопашного боя — русское «кун-фу», а что? Почти все китайских приемчиков будет!

Валерка в молодые годы тренировался потихоньку на покосах, в стороне от любопытных глаз.

Эх, сколько бы жизней можно было спасти попади до войны эти тетрадочки в нужные руки! Покачал головой только Валерка: *«Упекли бы отца, да меня куда подальше, за эти тетрадочки, время было, сам знаешь какое — расстрельное, сын белогвардейца, да внук белогвардейца, кто бы с нами стал бы считаться!»*

Эх, Россия, Россия! Не помним мы ни героев своих, ни былых своих достижений!

Не ищите вы Кедровку на карте, последний раз были топографы в 1947 году, спросили у местных: *«Как поселок называете?»* *«Какой поселок? Одни вдовы остались!»*, отшутился кто-то из местных. Только то и остался на старой карте маленький кружочек вместо поселка лесорубов, с печальным названием — Вдовый.

А Валерка? Валерий Ерофеевич, теперь академик, директор какого-то военного института, ракету они сделали, да такую, что другую ракету сбивает на лету! Американцы большие деньги ему предлагали, звали в Америку. Только сказал им Валерка, сказал, и снова как отрезал: *«Я, родиной ни оптом, ни на вынос не торгую!»*. Где им торгашам знать, как пахнет свежее сено, да блестит роса поутру на траве, и не было у них вдовьих поселков, пусть даже и оставшихся только на старых картах.

Закон есть закон!

Пришлось мне несколько дней назад, по казённой надобности, поехать в областной центр. Поначалу я размахнулся и, оседлав личный автомобиль, покатил в город. Но после второй поездки мой автолюбительский пыл заметно угас. Мало того что припарковаться было большой проблемой, так ещё и времени на дорогу тратилось уйма. Да посудите сами: до города ехать чуть больше двадцати минут, а по городу, добираться до места — час! Вот и решил я автобусом. Так как последние лет десять не ездил на этом виде транспорта, то естественно расписание движения не знал.

Вышел заранее. Тут-то возле меня и притормозила легковушка. Односельчанин спешил на работу в город.

— Я смотрю, у тебя, наверное, поломка? — осведомился он, — Чего ты на остановке мнешься?

Пришлось объяснить ему суть дела. Вообще, все складывалось как нельзя лучше — и времени у меня было предостаточно, и успевал я к назначенному сроку. Вот только была одна проблема — довозил он меня в такое место, где не было остановок городского транспорта. Нет, они, конечно, были, но нужно было пройти километра полтора.

Да разве это проблема? Прогуляться пешочком в великолепное летнее утро, что может быть чудеснее? Вот в таком настроении, топал я по задворкам и закоулкам, стемнясь выйти на шумную городскую улицу. А вот и она.

Озираюсь, где остановка. Так, на противоположной стороне улицы. Ага, перебежать дорогу, выйдет короче. Закралось сомнение: когда сам за рулем, то таких торопыг частенько костерю недобрыми словами. Да и второе, тоже очень действенное средство — а вдруг в кустах, поджидают brave гайшники? Штрафы стали просто лютые! Переход в обратном направлении метрах в двухстах.

Иду. Замечаю, что на противоположной стороне, параллельно мне бежит собака. Серенькая такая, в желтых подпалинах. Какая-то смесь дворняги и овчарки. Бежит, деловито поглядывая на все ещё редкий, по утренней поре, поток машин.

К зебре подходим почти одновременно. Точнее — она несколько раньше. Деловито села, глядит в мою сторону. Только я ступил на переход, как собака тот час поднялась и неторопливо побежала мне навстречу, слегка озираясь на замершие автомобили. Поравнявшись, искоса взглянула на меня и невозмутимо пошла дальше. Я, специально ускорил шаг, намереваясь пройти переход первым, интересно было посмотреть, как поведут себя водители. Поравнявшись с нетерпеливо пофыркивавшим мотором авто, я кивнул, приветствуя выглянувшего в окно водителя.

— Почти каждое утро езжу тут, и всегда она ждет пешехода, что бы перейти на другую сторону дороги. Вишь, её хозяин на мотовозе работает, так она проводит его до «железки» и домой. Ни разу не нарушила правила!

— Закон есть закон! — улыбнулся я.

Оглянулся, ступив на тротуар. Автомобили, послушно стояли на месте. А как же? Примерному пешеходу — наше почтение!

Звезда конкурсов.

Наконец-то мои родители решили уехать на отдых, оставив меня одного без их плотной ежедневной опеки. От их бдительного внимания меня не спасало даже то, что учился я уже в

одиннадцатом классе и самостоятельно решал как и где мне продолжить свое образование.

Мама моя, с упорством наездки пестующей своих несмышленных цыплят, следила, вовремя ли я покушал, чистая ли у меня рубашка, а отец проводил со мной свои беседы.

Беседы эти напоминали скорее тренинги по многим вопросам бытия. Был мой славный предок изрядно подкован по многим предметам и в меня вложил неплохой багаж знаний.

Но вот за что особенно благодарен был я ему так за то, что в моем более чем юном возрасте держал он меня постоянно возле себя, приучая ко многим мелочам, которые впоследствии откорректировали в лучшую сторону мой характер.

Итак, три недели быть представленным самому себе — это более чем щедрый подарок капризной фортуны.

Я уже распределял дни и вечера между друзьями и подружками, как моя мама с очаровательной улыбкой произнесла: «Володечка, чтобы тебе было не так одиноко, мы с папой решили пригласить к нам дядю Колю!»

Жил дядя Коля, где то в селе под Новосибирском, недавно вышел на пенсию, и так как его жена на закате их семейной жизни решила поменять место жительства, а заодно и мужа, то обретался наш дядюшка больше не в собственном доме, а на городской квартире своей дочери. Идеальный сторож или надзиратель (это как вам будет угодно) за мной!

М... м... да! Настроение испорченно вдрызг!

Дядя Коля приехал за день до отъезда родителей. Оказался он довольно шустрым, молодежким дядечкой, приятно пахнущим дорогим дезодорантом и коньяком, принятым по случаю приезда, а может отъезда?

Троекратно облобызав маму и папу, погладил меня по голове. Видимо, рассмотрев, что я уже большой, похлопал меня по плечу, а затем пожал руку. Отделавшись дежурными вопросами типа «Как дала? Что нового в учебе? С друзьями все нормально?», дядя Коля переключился на папу с мамой. «Поладим!» успокоился я.

Отъезд моих родителей прошел согласно моим представлениям о расставаниях любящих родителей и их ненаглядного дитяти.

Мать тайком смахнула набежавшие на глаза слезы, отец обнял меня и наказал примерно вести в их отсутствие.

Я, состроив самую печальную мину на своем лице, пообещал вести себя хорошо и пожелал им приятного отдыха.

Дядя Коля, обняв меня за плечи, долго махал рукой, провожая свою родню.

«Ну, племяш, чем займемся в этот вечер? Кстати ты уроки сделал?» «Какие уроки, дядь Коля? Каникулы весенние у нас!» «Читать то, читать вам много задали на каникулы?» не унимался он. «Да пустяки, отмахнулся я, так по мелочи!» «Э, не скажи, в наше время, и читать и стихи учить, задавали много!»

«Ну, вот сейчас начнет занудствовать», с тоской подумал я.

«А девчонки знакомые у тебя есть? Давай, зови, познакомишь, повеселишься, если что, я в другую комнату удалюсь и мешать вам не буду. В мое молодое время мы порой до поздней поры дружили!»

«Вот это да!» дядя Коля мне начинал определенно нравиться.

Обзвонить мою компанию по «сотнику» было делом нескольких минут.

Вечер удался на славу. Дядюшка был в ударе. Много шутил, что странно всегда к месту, читал какие-то стихи, авторов которых никто из нас не знал, а когда взял гитару и спел парочку чудных романсов, мы начали было ревновать к нему своих девчат. Но он, сославшись

на головную боль, удалился к себе, наказав нам приятно провести время.

Утром я провалился в постели дольше обычного. Доплывшие из кухни запахи чего-то вкусного вырвали меня из-под одеяла.

Дядя Коля, мастерски орудуя ножом, крошил свежий огурец.

«Салат «Дружба», огурчики, помидоры и лучок!» подмигнул он мне. «Я тебе бараньи ребрышки обжарил» ошарашил он меня своими кулинарными изысками.

«Может было нужно отварить пельмени?», пытался скрасить я свою бездеятельность в приготовлении завтрака.

«Пельмени для лентяев или когда на скорую руку поесть. Ваши городские пельмени не идут ни в какое сравнение с нашими — сибирскими. Я тебя потом угощу, по особому рецепту сделаем. Кстати позови девочек, помогут лепить и сами покушают».

Я фыркнул, представив, как девчонки будут лепить эти самые пельмени.

После завтрака дядюшка заявил мне: «*Без дела не могу! Придумай мне какое-то занятие!*»

«*Мне бы твои заботы!*» подумал я, *выспался хотя бы вволю!*»

«*Почитай вон почту, отец выписывает газеты и журналы, посмотри местную газету, там в рубрике объявлений, может, найдешь, что для себя*»

Я получил полчаса тишины нарушаемой лишь шуршанием газеты, да хмыканьем дяди Коли, которым он сопровождал чтение.

«*Слушай, Владимир, так официально он ко мне не обращался, а что такое «слоган»?*»

«*Это что-то вроде объявления или рекламы — короткая, но интересная и всем запоминающаяся фраза*», объяснил я ему.

«*Шестой городской хлебокомбинат объявляет конкурс на лучший «слоган» для своей новой продукции — сушек с маком и премию назначает!*», задумчиво прочитал дядюшка.

«*Пять булок хлеба или связку этих сушек?*»

«*Нет. Десять тысяч рублей!*»

«*Что? За такой пустяк?*», я просмотрел газету. Точно, было объявление и премия.

«*Дерзай!*» врубил я зеленый свет творческому порыву моего дядюшки.

Не знал я, какую мину под фундамент своего спокойствия подложили эти газетные строчки!

Часов шесть тишина, прерываемая лишь пыхтением моего родственника, гостила в нашей квартире. А потом началось!

Дядя Коля вышел из комнаты взъерошенный и веселый как весенний воробей. В руке он держал общую тетрадь с заложеной, где то на середине ручкой.

«*Слушай!* Он встал в позу императора Нерона и продекламировал: «*Хлеб — драгоценность, им не сори, съел весь — еще бери!*» «*Хлеб всему голова, но и мы с усами, булку съедим, ещё достанем!*» «*С маком сушки — мягче подушки!*» «*Мимо сушек не пройди — для семьи скорей купи!*»

Ошарашенный таким напором литературных перлов дядюшки, я не сразу смог сообразить, как закрутить кран его красноречия.

А он бесстрашно продолжал свою очередную стихотворную страшилку: «*Наши сушки — по зубам старушки!*»

«*Стоп!* заорал я, *лучше не придумаешь, или на конкурс!*»

Дядюшка обмяк как шарик, из которого вышла часть воздуха.

«*Ты считаешь, это лучшее? там у меня на двадцать третьей странице есть строчки,*

мне они больше нравятся!»

«Всё! Всё это и на двадцать третьей тоже отправляй!»

«Ладно, как скажешь, я думал, тебе будет интересно послушать до конца мои «слоганы»»

«Нет, нельзя этого делать, если кто подслушает, то присвоит себе твои строчки и плакал твой гонорар, заберет себе» перспектива выслушивать двадцать пять страниц бредней старого стихоплета, повергла меня в тихий ужас.

«Давай, сделаем так: свои сочинения ты прочитаешь моим друзьям и девчонкам, они сегодня придут к нам»

Дядя Коля просветлел лицом. «Я сочиню побольше и напечатаю их на отдельных листах, вдруг, захотят взять с собой!»

«Будет совсем здорово!» признаюсь, это была моя маленькая месть девчонкам за то, что они восхищались моим дядюшкой больше чем мной.

И удалился мой дядя Коля творить чудеса стихосложения.

Всего на пару часов я отлучился из квартиры. Прошел по друзьям, малость потусовался на постоянном месте наших сборов.

Когда вернулся домой, что-то заставило меня задержаться в прихожей.

На двери висел белый лист бумаги, закрепленный по углам скотчем. Черными буквами, во всю мощь принтера, на нем красовалась надпись: «Головой ты не болтай, свет не нужен — выключай!» Смутное чувство тревоги мышкой заскреблось в моей душе.

Точно такой же лист поджидал на стене возле входа в зал: «Задержись-ка ты чуть-чуть, ноги в тапки всунуть не забудь!»

Фыркнув от приступа подступившего веселья, я «всунув» ноги в тапки, прошел в туалет.

И согнулся пополам от смеха.

На смывном бачке красовалась надпись: «Кончил дело — смывай смело!»

Справиться со смехом я смог только в ванной комнате.

Сидя на краешке холодного фарфора, я прочел следующее нетленное произведение дяди Коли: «Знает негр и еврей, зубы чистит лишь Колгейт!»

Меня, насмеявшегося вволю, поджидал дядюшка.

«Ну как? Не без гордости спросил он, нам «слоган» строить и жить помогает?»

Я без звука, как будто подавившись сушкой, покивал ему в ответ.

Через пять дней в нашей квартире зазвонил телефон. Мелодичный женский голос попросил к телефону Николая Сергеевича. Не сразу понял я, что это зовут моего дядю.

Тот полюбезничал в телефонную трубку, рассыпался старомодными благодарностями и пообещал, непременно, быть в условленное время.

«Как я их! в его голосе ликовал восторг, сделал всех! Комиссия по «слоганам» просит меня приехать к ним. Первое место и премия!»

Одевшись подобающим образом, отбыл Николай Сергеевич на сразу ставший родным ему шестой городской хлебокомбинат.

Пришел поздно в девятом часу вечера, веселый и довольный.

— «Давай, хвастайся премией, встретил я его в нетерпении. О, да ты никак и отметить успел это событие!»

— «Немного, племяш, немного! А премии нет!»

— «Как нет?» изумился я.

— «Ну, не совсем что бы нет, просто я вложил её в дело»

— «Какое дело, дядь, Коль?» любопытство мое наострило уши.

— «Предложили мне издать отдельной книгой все мои «слоганы».

Дядюшка вошел во вкус иностранных словечек.

— «Ну а на печать, раскрутку, нужны, сам понимаешь, деньги»

— «Ой, и лоханули тебя дядь Коль! Кинули по полной программе!» изумился беспечности своего дядюшки.

— «А, да ладно, не великие деньги, как пришли, так и ушли! И почему ты думаешь, что вокруг все сплошные обманщики и проходимцы?»

Нет, родич мой был неисправим...

К приезду моих родителей мы с моим дядей Николаем Сергеевичем стали настоящими родственниками. Я клятвенно обещал погостить у него в Сибири следующим летом, как сдам экзамены.

— «Прорвемся!» сказал мне он, уезжая.

Через полгода на имя моего дядюшки пришел из Москвы увесистый пакет.

Признаюсь, незаметно вскрыть его, используя шпионские методы, было для меня делом пары минут.

Там лежал контракт от известной рекламной фирмы представляющей интересы агентств Франции, Англии, Швейцарии и еще десятка каких то зарубежных фирм. Контракт с последующим продлением. За использование сочиненных рекламных строк скромно красовалась сумма: 25 000 \$ и отдельный гонорар за новые строки. Почему-то вспомнилась единственная оставленная в туалете надпись моего неподражаемого дядюшки. Вот только вспомнилась совсем не так: «Начнешь дело — заканчивай смело!»

Какой мерой меряете, такой и вам отмеряно будет!

А у нас на краю села жила ведьма! И что?! Когда вам минуло пятнадцать лет и шестнадцатая весна, буйствовала черёмуховым цветом, в эти сказки, о ведьмах, особо и не верилось. Просто в крайней, от дороги, избышке, не так давно, поселилась пожилая женщина. Она сразу не пришлась «ко двору» всем нашим сельчанам. Ничего в ней такого отталкивающего не было, вот только все сельские собаки, от лохматого Шарика, до свирепой овчарки Альмы, разом невзлюбили её. А за ними и люди.

Так и жила она одна на краю села. Вот что странно — у неё всегда были деньги! Прошло всего три года после смерти Сталина, страна с трудом выкарабкивалась из разрухи, а у неё всегда были деньги.... А как бы решили бы вы, если видели как она, заходя в магазин, всегда что-то там покупала? Покупки эти немедленно обсуждались местными кумушками и порой обрастали такими подробностями, что сразу вырастали в весе и цене.

Народ у нас вроде и не завистливый, а вот, поди, ж ты....

Ведьма ни к кому в гости не ходила и никого к себе не звала. Если кто и пытался заговорить с ней, так она, молча, выслушивала его, затем вонзив в собеседника колючий взгляд, не проронив ни звука, поворачивалась к нему спиной.

А в начале весны, село взбудоражило событие — у ведьмы появился спутник. Это был мужчина с нелепой фигурой и грубым лицом, словно наш деревенский плотник Кузьмичев, от нечего делать, вытесал его из полена. Причем, вытесал топором, просто так, из баловства, в перерывах между затяжками своих самокруток, ловко он их скручивал из газет и крепчайшего самосада.

Ох, и почесали сельские бабы языки!

Предположений было немало и даже в ведьмины любовники его записали, но потом все — таки сошлись на мнении, что слишком молод он для этого. Признали какой-то дальней родней.

Сама старуха, вот как почти месяц, не показывалась из дому. Даже в магазин за неё ходил этот «чурбан», такую на уличную кличку дали ему деревенские кумушки.

В то майское утро и у меня жизнь не заладилась. Хотя было воскресенье и домашних поручений у меня почти совсем не было. Вовку, дружка моего, не отпустили гулять — нажаловалась, таки, училка! Вот он и пыхтел над учебником, решая задачки. И это за две недели до конца учебного года!

Витьку, отец оставил дома по причине ремонта курятника, и пришлось мне одному тащиться на край села. Там, в берёзовой роще, сорока наладилась делать гнездо.

Проверить надо было. Людская молва упорно предписывала белобоким трещоткам, воровские замашки. Мол, тащат они все самое ценное к себе в гнездо, так может и мне что перепадёт? Вот с такими мыслями плёлся я по дорожной колее, прутиком отчерчивая замысловатые зигзаги в пыльных проплешинах и дорожных выбоинах. До ведьмино дома оставалось-то шагов сто, как из перекосившейся калитки выскочил «чурбан», размахивая руками и что-то бормоча, устремился ко мне. Все мои планы разом рухнули, и я уже было собрался задать стрекача, но тут он остановился. Видно сообразил, что я могу убежать. Сложив руки, словно собираясь помолиться, он, заискивающе приглашал меня подойти. Пятясь к калитке, знаками звал за собой и плакал, размазывая слезы по небритым щекам. Даже без расшифровки его бормотания, понятно было, что ему нужна помощь. Во мне боролись два чувства — откровенная робость перед ведьминым домом и любопытство, смешанное с долгом. Человек о помощи просит ....

Победило последнее. А чего бояться?! Вон, позавчера, мы с Витькой подрались, держался я, признаться, уже хорошо: классно пару раз ему по скуле врезал! А то, что пропустил удар в лоб и нехилый в печень, так на то она и драка! Тут — либо ты, либо тебе!

Если надо, так и «чурбану» врежу.

А этот, нескладно-лохматый мужичок, открыв низенькую дверь, ведущую в сени дома, грёб своими длинными, почти до колен, руками зазывая меня войти. Набрал в легкие побольше воздуха, словно собираясь прыгнуть в воду, я зашел в сени и, открыв дверь, ведущую в дом, очутился в первой комнате. Пахнуло чем-то затхлым и кисло-противным. Свет пробиваясь через грязные занавески, освещал стол заваленный посудой, какими-то объедками. Жужжали мухи, пируя в этих отбросах, стало как-то не по себе и захотелось на воздух. Из второй комнаты послышался слабый голос, «чурбан» легонько подтолкнул меня туда. Всклокоченная постель, с подушки на меня глянули глаза ведьмы. Но не было в них ни презрения к роду человеческому, ни желания навредить, это были глаза больного человека и они молили о помощи. Я подошел ближе.

— Там, там, в бутылке, дай.... — слабым голосом попросила она, указав в угол, где стояла тумбочка. Открыв скрипнувшую дверцу, я взял бутылку, где плескалась светло-коричневая жидкость, в которой плавали какие-то корешки, и протянул старухе.

— Налей, мне так не выпить — она слегка поднялась на локте.

Её сожитель схватил со стола чашку, протер её краем рубахи и протянул мне.

Я налил почти половину чашки, пахнуло водкой. Старуха протянула руку и, стуча зубами о край чашки, выпила. Откинулась на подушку, и вдруг схватив меня за руку, попросила:

— Не уходи, знаешь как мне страшно!

И тут во мне что-то произошло — ведьма, которую опасается половина села, сама боится!

Да и не ведьма это вовсе, а старая и, наверное, больная женщина. И не такая уж она старая, вон как цепко меня за руку схватила.

— Не осуждай меня! Да, я пью! А ты что бы делал? Она все время приходит и приходит... — ведьма бросила мою руку и рывком села на кровати.

— Придет и смотрит..., смотрит, так своими синими глазищами и сверкает! Ни днем, ни ночью от неё покоя нет! Ходит и ходит! Смерти моей хочет! А вот и фиг ей! — старуха, так я продолжал называть её, сложила кукиш и ткнула им в пустоту угла.

— А ты не бойся, тебя она не тронет, ты-то ей ничего не сделал. Побудь со мной, я тебе денег дам, ты только немного посиди подле меня, я чуток, совсем маненько посплю.... Вот как выпью, так и лучше сдется, а так житья от них нет! Ни поспать, ни забыться.... Вон и огород забросила, поесть: чего изготовить — не могу! Боренька, ходит голодный, а ему нельзя — больной он.... Ты послушай, меня, послушай, может и легче мне станет! Это вроде как на исповеди — тебя священник выслушат.... А ты в церкву ходишь?

Я отрицательно помотал головой.

— А-а-а, комсомолец значит? Это хорошо, это правильно — зачастила старуха. — А я вот в бога верю! Хоть и нельзя мне...

В её разговоре было что-то странное. Не говорят так наши сельские женщины. Проще и короче говорят, по-деревенски. У ведьмы и слова были какие-то правильные, короткие и отрывистые, словно она подавала команды.

— Ты не смотри, что я такая лохматая, да не прибранная! Я, раньше знаешь, как за собой следила! Даже сам Якубов, начальник отдела, меня хвалил! Ты, говорит, ты Анна, фигуристая женщина, всё при тебе! А ты думаешь, нас, сотрудников ликвидационного отдела НКВД, любили? Да ни в жизнь!

Он поправила подушку и села на кровать, свесив босые и слегка синюшные ноги.

— Вишь, даже отекать мои ноженьки от этой проклятущей пьянки стали! А какие были! Начальник нашего отдела, майор Никишкин, так мне и говорил, а..., — ты ещё маленький, не поймешь... — частила она и тянулась к бутылке.

Я подал бутылку ей. Она сделала глоток прямо из горлышка, вытерла губы рукавом застиранного халата и резким движением поставила бутылку на пол, рядом с кроватью.

— Вот с этого, Никишкина, майора и началось всё! Ты знаешь, — она снова схватил меня за руку, — Замуж — то я вышла по любви! Да, по любви..., муж мой Коленька, военным был, я в то время девчонка сопливая, разве разбиралась в этих военных? Шинель, погоны как у всех, а он статный был, да красивый! Сапоги как начистит, да как пройдетя по улице, все девки вслед обертаются! А служил он знаешь, где? — она заговорщицки придвинулась ко мне, — В ведомстве Берии!!!

Имя комиссара внутренних дел, помнили хорошо, да и произносили ещё с оглядкой!

— Вот после свадьбы и устроил он меня в областное НКВДе, сначала в машбюро, ну, это разные бумажки выписывать, хотя секретность там была — будь здоров....

Полупьяная старуха слегка раскраснелась, поерзала на кровати, устраиваясь удобней, и видимо, решив, что я, подходящий собеседник, продолжила листать странички своей прошлой жизни.

— Вот там то и заметил меня Никишкин, да он тогда ещё в капитанах хаживал, не то,

что мой Коленька — майором был! Ой, и влюбился он в меня! Втюрился по самые уши! — ведьма даже зажмурилась от удовольствия, но тут же распахнула свои глаза и в них блеснула злоба.

— Сволочь, он! Первая сволочь и паскудь, этот Никишкин! — она придвинулась ко мне и свистящим шепотом произнесла: — Это он на моего Коленьку донос настрочил! — откинулась к стенке и спокойным и даже громким голосом продолжила:

— И бумаги какие-то с его стола украл, украл и спрятал! Вот муженька моего, Николая, и взяли... Ночью, пришли и взяли.... — на глазах у неё блеснули слёзы.

— Н — не, опосля выпустили, а как не выпустить? Никишкин, гадина, пришел ко мне и прямо говорит: «Ты Анька, либо в постель со мной, либо твой муженёк в тюрьме сгниёт!» и бумаги показывает, те, что пропали.... Вот тогда я и согрешила..., а второй раз совсем загубила свою душу, это когда согласилась перейти в ликвидационный отдел.... — она замолчала и пристально посмотрела на меня. Стало немного неуютно под её взглядом.

— Ты знаешь, чем занимаются в этом отделе? — она помолчала, словно что-то вспоминая, — Врагов советской власти всегда хватало.... Расстрельные списки утверждала тройка или трибунал, а приговор исполняли мы. Всё было просто, никто ничего и никому не объявлял, просто тебе вручали список этих врагов, ну тех, кого надо было шлёпнуть, вот ты и за день должен был это сделать. А как иначе — приказ! Да и платили за каждого не мало, сначала двадцать пять рублей, а потом — пятнадцать. Ты представляешь, — оживилась она, — Генерал Якубов, сказал, что и пятнадцати с нас хватит! Попробовал бы он сам убить человека! Это только, кажется, что легко... Ты его ведешь по коридору, курок заранее взведешь, они от щелчка пугаются, ведешь и там, где поворот, раз — и в затылок! Пуля у нагана тяжёлая, рану спереди разворотит огромную, смотреть тошно! Да я и не смотрела, чего глазеть? Сделала дело и дальше. Потом заключенные, не, не из расстрельных, эти делать ничего не станут, уголовники были, потом все уберут, известкою польют пол, крови как не бывало и ты нового ведешь.....

Так на два коридора и работали .... До восьми выстрелов в день, порой приходилось делать...

— Ты меня осуждаешь? Вижу, вижу.... А как бы ты поступил?! Когда выпустили моего Коленьку, пришел он весь побитый да разуверившийся в людях. На работу его обратно не взяли, вот он грузчиком и пробовал на рынке работать. Да где там! Все нутро у него было отбито. А я на шестом месяце, пузо вон уже и на нос лезет.... Денег в доме нет, что там я зарабатывала в машбюро? Конечно, Коленька догадался, что не его ребёнок, да и как не догадаться, он почти год провел в тюрьме, а я вот...

А тут пришел как-то, рано, а у меня этот гад — Никишин, штоб ему! Помрачнел только, вижу желваки на скулах так и ходют, так и ходют! Ничего ни сказал. Только, когда мы были на дне рождения у его сослуживца, ты видишь, не все сволочами были! Так там он так веселился, так веселился! «За тебя, говорит моя любимая Аннушка!» — поднял стакан водки, выпил и вышел в коридор. И выстрел, хлопок такой, а у меня прямо сердце оборвалось и в глазах темно стало. Очнулась, врачи возле суетятся, а Коленьку уже унесли.... Это он пистолет своего сослуживца углядел да и ... — она потерла сухие глаза кулаками и всхлипнула. — Родилось дитя, да видно и впрямь бог есть, за мои грехи, и разум у моего Бореньки отнял! Хотела я сына назвать Николаем, так нет! Никишин прямо зверем кинулся — назови Борисом, в честь деда, известный революционер был! Вот он то и перевел меня в расстрельную команду. И оклад почти вдвое и за каждого по пятнадцать рублей.... Тогда-то и

стала я пить водку. А сорвалась, знаешь как? — она коротко хохотнула, хотя мне вдруг стало холодно в этот теплый майский день.

— Повела я по коридору священника, много их тогда расстреливали. Поп как поп, и ряса и крест, не отнимали у них их тогда, что толку, они все равно их себе из дерева мастерили. Веду, значит, только наизготовку взяла, а он возьми и обернись!

«Ты, говорит, мне в лицо стреляй, хочу видеть глаза того кто меня жизни лишает! Только знай: «какой мерой меряете, такой и вам отмеряно будет!»» — старуха снова вцепилась мне в руку, — Это значит, что он мне смерть от пули пророчил! — отшвырнула мою руку и откинулась к стене.

— Приходил он ко мне, вот недавно и приходил — буднично поведала она мне, — Ничего не сказал, только улыбнулся и пальцем так легонько вроде как пригрозил.... А может перекрестить хотел? — в её голосе появилась надежда. — Ушел, ушел поп и больше не появлялся, не то, что эта, ходит и ходит! Нет от неё покоя! — «Ведьма» вжалась в стену, посмотрела в угол.

— Вишь, нет её! Это тебя она боится! Ты знаешь, мне год как оставалось да пенсионера, он у нас ранний, военный, так повела я по коридору девушку, да что там, почти девчонку. Наши чекисты расстарались и выманили из-за границы эту княжну. Там она популярная была, все против советской власти зубки свои точила. Вот ей наши чекисты и вырвали их! — старуха захохотала злобным смехом.

— А княжна эта такая вся стройненькая, будто фарфоровая статуэтка, и в белом вся. Наши не били её и вообще, никак не трогали. Надеялись, что она примет нашу сторону и можно её будет показать журналистом. Ан, нет — с характером княжна попалась! Так и приговорили к расстрелу.... Веду я её «за угол», а она возьми да обернись, да как раз на полпути. Я только к кобуре потянулась. Тут она как глянула на меня своими глазами! А они у неё синие — синие! И говорит мне: «Стреляй, стреляй здесь! Я умру, но меня будут помнить! А тебя кто вспомнит? Да и жить ты как будешь? Совесть она ведь проснется!» И такая вдруг меня злоба взяла! Понимаешь, и злюсь на свою испоганенную жизнь и на эту княжонку, беленькую да чистенькую.... Не помню, как наган выхватила и выстрелила в неё, попала прямо в её синий глаз.... Упала она и смотрит, смотрит на меня, своим целым глазом. ... В злобе, я ещё четыре раза в неё стрельнула. Зря только пули извела!

Ведьма, задохнулась, словно снова её накрыл приступ дикой злобы, поднесла ладони к лицу и закрыла ими глаза. Когда она опустила их, в её выцветших, словно ситец изношенного фартука, глазах, было столько боли и отчаяния, что я вскочил с табуретки.

— Постой, постой не уходи! Прошу тебя, умоляю, сходи в аптеку, принеси лекарство для Бореньки, хворый он. Я позвонила туда, — она ткнула пальцем вверх, — они его ко мне и отпустили, все какой, никакой догляд будет. Лекарство только вот как вчера кончилось, а без него ему худо.

— Вот, тут на бумажке, и написано, какой порошок надобно купить — она совала мне в руки потрепанную бумажку — рецепт и десять рублей.

Таких денег я ещё не держал в руках. До сих пор не знаю, зачем я взял все это и, пятясь, задом, выскользнул на улицу.

Аптека у нас располагалась в здании больницы. Суровая тётка, в белом халате, повертев в руках рецепт, строго взглянула на меня:

— В городе выписывали? Для тебя что — ли?

— Нет, для гостя, у нас гостит, дальний родственник — соврал я.

— Смотри, чтоб по одному порошку в день и подальше от детей уберите — она протянула мне бумажный кулек и стала отсчитывать сдачу.

Обратная дорога показалась мне короче. Ещё бы — я на законных основаниях мог рассчитывать на целый рубль. Честно заработал! Войдя в комнату, где лежала, эта спившееся старуха, я оцепенел. И было отчего! Посредине комнаты, сидел на табурете «Чурбан» и целился в меня из нагана.

Щёлк! Звук спущенного курка, показался мне громом. Но выстрела не было, кончились патроны. Это я понял сразу, как только взглянул на кровать. Там, вжавшись в угол, полулежала старуха. Вместо правого глаза, у неё, было кровавое месиво. По стене, завешанной картинкой с плывущими лебедями, тянулась алая полоса, с какими-то сгустками желтого жира.

Ужас от увиденного погнал меня прочь, очнулся я только в огороде. Прислонившись спиной к теплым, шершавым брёвнам сарая, я заплакал. Стыдно признаться в этом, ведь мужчины не плачут, да что там, я просто зарыдал! Тяжко, надрывно, словно у меня умер кто-то близкий. Слезы катились из моих глаз, и не мог я их сдерживать, как не старался.

Вдруг сквозь эти безудержные слёзы я увидел, как ко мне приближается женщина. В изумлении, я протер свои глаза кулаками...

Хрупкая, в белом платье, с какими-то воланчиками на плечах, она спокойно шла ко мне.

Я, вжался в брёвна сарая. И было от чего — такие, в селе, у нас не ходят! Подойдя ко мне, она взглянула на меня и легонько коснулась моей щеки. Стерев с неё слезинку, улыбнулась, распахнув свои синие, как весеннее небо, глаза и произнесла певучим голосом:

— Не скорби по невинно убитым, не скорби! Живи долго и за нас живи! — приложила свою ладонь к моему лбу, и я, словно провалился в глубокий колодец.

Следователь допрашивал меня не долго. Суровая тетка-аптекарь, подтвердила, что я был у неё. Да и наградной наган этой ведьмы — палача, отобрали у буйствовавшего сожителя.

Сколько же лет прошло? Приехал я в родное село и пошел на кладбище. Родни там у меня немало. В сторонке, под невысокой берёзкой, виднелись две могилы.

«Кого это на отшибе похоронили?» — подумал я, направляясь к холмикам, заросшим травой. Невысокий овальный гранитный памятник. Фотография покоробилась и размылась от дождей. «Борис Егорович Никишкин» эта фамилия мне ничего не говорила. А вот второй памятник — невысокая металлическая пирамидка, с красной звездой наверху и чёткой фотографией молодой, улыбающейся женщиной, заставил меня вздрогнуть. На меня смотрела старуха — ведьма, из моего детства. «Анна Васильевна Бертис», почёл я, и даты. Две далёкие даты, в них, навсегда осталось моё далёкое детство.

Сорвав какой-то пруттик, шел я по просёлочной дороге, помахивая им, чертил, зигзаги в пыли и думал: «Тяжелой мерой ей отмеряно было, ох, тяжелой!»

Кто не скачет — тот москаль.

Часть первая.

Северная Америка. Штат Вашингтон. Пентагон. Сентябрь 2013 года.

— Входите, Николас, входите! — шеф разведки восточных стран Эндрю Тайгерман, встал из-за стола навстречу стройному человеку в штатском.

«Наверное важная птица, раз сам полковник подскочил его приветствовать» — отметил дежурный адъютант, открывая дверь перед очередным приглашенным в кабинет шефа.

— Принесите нам два кофе, — попросил хозяин кабинета, — Или что покрепче? Виски, джин, коньяк? Извини дружище, водки здесь не держим, понимаем, что нашим агентам этот напиток поперек горла стоит, с русскими «друзьями» вам его привычнее пить!

— Это так, только в последнее время мои русские друзья совсем испортились, предпочитают больше обходиться соком или легкими винами, да и то в малых дозах...

— Вот как? Вот об этом мы и поговорим, но не о дозах их выпивки, а о том, насколько они испортились, — проследив, как дежурный офицер затворил за собой дверь, шеф отдела разведки указал вошедшему посетителю по имени Николас, на кресло возле небольшого столика с прозрачной стеклянной столешницей.

— Для этого вам и предстоит выехать в район пограничный с Россией и там координировать действия наших друзей, — полковник поморщился при слове «друзей», что не ускользнуло от внимания Николаса.

— Насколько я понимаю, наши «друзья», — это слово Николас произнес с явной иронией, подыгрывая полковнику, — ценят больше деньги, чем нашу дружбу!

— Не могу лишний раз отметить — ты как всегда проницателен! — полковник отхлебнул кофе, — Люблю вот эту горчинку, настраивает на восприятие всей глубины и аромата... Чего же ты не оценишь, этот аромат? «Арабика», между прочим! Перейдем к делу, как там говорят твои русские в таком случае: «Время стоит денег»?

— Немного по-другому: «Время — деньги!», — поправил полковника Николас.

— Думаю, мы немного изменим эту поговорку, пусть будет вот так: «Делаем нужное нам время за деньги!» — и делать его будешь ты, Николас! Ты отправишься на Украину. Там сейчас назревают события, которые мы, затратив немалые деньги, почти подготовили. Тебе остается только направлять эти события в нужное русло и смотреть, что бы наших друзей русские не переманили на свою сторону. Если все пойдет, так как мы задумали, то всем странам будет не до проблем с внедрением новой международной валюты. Отказ от доллара им покажется слишком мелкими заботами, когда запахнет порохом новой войны. Войны, да ещё в центре этой дряхлеющей пересыщенной собственным величием Европы.

— Но, позвольте, Эндрю, причем тут русские? Если я еду на Украину, согласен — слово, которым названо это государство, на русском языке означает — «окраина», периферия, их славянской империи.... Бить надо в самое сердце России....

— Верно, ты подметил, верно — окраина! А лодку лучше раскатать, взявшись за края! Как ты думаешь, стерпят русские гражданскую войну в одном из бывших владений своей империи? Как они среагируют, когда одни русские будут убивать других русских?

— Как тебе известно, Украина не однородна по своему составу, запад заметно отличается от восточного края и по религии и по культуре. Вот это отличие мы всячески культивировали в последние десятилетия. Нам удалось, подменив их исторические ценности привить всей западной части Украины понятие своей исключительности, понятие своей исторической ценности.... Да что там! Нам удалось даже подменить итоги второй мировой войны! Все подвиги, которыми они так гордились ранее, мы заменили подвигами карателей, полицаев и предателей их же народа.

Шеф восточного отдела разведки поставил чашку на столик и прошелся по кабинету.

— Экономика этого государства завязана на рынки России и стран активно её поддерживающих. Стоит немного переориентировать товарное производство этой окраины в

сторону Европы, и нужный нам хаос и беспорядки обеспечены. Насколько я помню, большинство богатых людей этого государства пересыщены властью и деньгами и как удав, заглотавший большую добычу, ленивы и малоподвижны. С их стороны не будет препятствий нашим планам!

Эндрю Тайгерман рубанул ладонью воздух, как бы утверждая эту истину.

— Да что там! Препятствий не только не будет, наоборот, мы уже добились значительных уступок со стороны местных олигархов. После того как на Кипре наши европейские друзья по НАТО основательно потрясли счета заговоравшихся российских толстосумов и богатеев некоторых прилегающих к ней стран, украинские нувориши стали просто ручными. Не стоит беспокоиться, Николас, они все у нас на крючке, прочной хваткой держатся за долларовую наживку, нам останется только помочь выбрать им правильного президента. За десяток, другой миллионов долларов, они сделают все, что мы им посоветуем.

— И что мы будем им советовать? Как всегда демократию? — Николас наконец-то соизволил пригубить свой кофе.

— И демократию, и процветание и независимость — всю словесную шелуху которую для тебя подготовят психоаналитики! Громкие лозунги — горлопанам, высокие должности карьеристам, оружие — боевикам и тем и этим, деньги, деньги! Нам нужна революция! Трезвомыслящих — убрать! Не получится обычными путями, физическое устранение! Для этого вам будет придана специальная группа. Нет, не как в прошлый раз, проколов мы больше не допустим! На этот раз группу готовят наши грузинские друзья. Саакашвили после отстранения от президентского кресла Грузии, остался не у дел, боится мести как со стороны своих, так со стороны спецслужб России. Мы регулярно подкидываем ему дезу о готовящихся на него покушениях, вот он и услуживает.

— Наемники, хотя бы профессионалы? — Николас отодвинул от себя полупустую чашечку кофе.

Полковник Эндрю Тайгерман подошел к письменному столу и нажал кнопку вызова.

— Пригласите в кабинет господина Петрова, — приказал он вошедшему офицеру.

— Петров, он что, русский? — Николас слегка развернулся к двери.

— Нет, он с Украины, но владеет и русским языком, фамилия — ненастоящая. Это наш агент-инструктор и ты будешь общаться с ним так же не под своей фамилией. Вот, это твои новые документы, — полковник раскрыл папку, лежащую перед ним на столе.

Взял паспорт и протянул Николасу.

— Роберт Греймвуд, тридцати лет, уроженец штата Каролина, а это что? — он взял в руки пластиковую карточку, — Так, аккредитация журналиста. Ого! — «Вашингтон пост», так высоко я еще не служил, — легкая тень улыбки скользнула по лицу Николаса, или теперь уже Роберта.

Просмотрев еще ряд документов, новоиспеченный журналист восточного отдела газеты «Вашингтон пост» Роберт Греймвуд, отложил в сторону конверт с несколькими пластиковыми карточками и встал навстречу вошедшему мужчине.

— Знакомьтесь, это ваш непосредственный начальник Роберт, отныне ничьи приказы кроме него для вас недействительны, — жестом руки полковник указал на «журналиста».

Роберт с интересом разглядывал вошедшего человека. Коренастый крепыш, неопределенного возраста, с короткой стрижкой, во взгляде чувствовалась властность и хватка сильного и уверенного в себе лидера. «Такие недолго будут ходить в подчинении, дай

ему волю, убьет не моргнув» — подумал он, протягивая руку для приветствия. Мужчины обменялись рукопожатием.

— Владимир Петров, слушаю ваши дальнейшие указания! — интонация доклада и военная выправка сразу говорили присутствующим о военном прошлом и немалом послужном списке господина Петрова, впрочем, какая разница, как его теперь называть: главное его опыт и исполнительность.

— Где воевали? — осведомился Роберт.

— Афганистан, 356 полк, под Баграмом, начальник разведки, срок — десять лет, комиссован по ранению в звании майора ВДВ, — четко доложил русский Петров.

— Ого, — изумился Роберт, — как оказались в Штатах?

— Вернулся на родину — Украину, под Житомир, пенсия маленькая, жилья нет, идет перестройка, разруха и дележ всего и вся. Организовал военно-спортивный клуб, тренировал телохранителей для богатых. Попал в поле зрения вашей разведки, согласился сотрудничать, деньги были нужны. Успешно выполнил ряд спецзаданий и готов снова к выполнению любого поручения.

— Отлично, — прервал доклад Эндрю, — к вам в гостиницу сегодня зайдет Роберт, вручит документы и поставит перед вами новую задачу. Скажу лишь одно — работать будете на родине, Украине, это все, пока свободны.

Выражение лица этого русского Петрова, не изменилось, только что-то промелькнуло в глазах, он взглянул на Роберта — Николаса. Тот кивнул в знак согласия

Когда за бывшим разведчиком ВДВ закрылась дверь, полковник сел за свой стол.

— Как тебе помощник? — шеф разведки явно гордился своим подопечным.

— Не доверяю я его преданности, такой за деньги, где угодно, да и кому угодно, служить будет!

Николас — Роберт, вытряхнул из конверта на ладонь несколько платежных карточек и вопросительно взглянул на Эндрю.

— Суммы не большие, это что бы не вызывать подозрений, однако будут пополняться незамедлительно. Вот дополнительный пакет: инструкции и другие документы, ознакомьтесь и под расписку сдайте дежурному офицеру. Ваш вылет в Киев послезавтра. Сегодня проинспектируйте группу Петрова, её мы забрасываем завтра.

Гостиница, принадлежавшая разведке восточных стран, располагалась в сорока километрах южнее Вашингтона и напоминала кемпинг и легкое бунгало одновременно.

Роберт Греймвуд, а Николас сразу настраивался на новую легенду, появился там в 16–30.

И хотя охраны не было нигде заметно, к его машине сразу же подошли два человека. Очевидно, они были предупреждены о статусе и цели гостя, поэтому без слов проводили его в небольшой холл, где находились человек двадцать.

— Добрый день! Меня зовут Роберт, и так как нам предстоит совместная акция на Украине, хотелось бы познакомиться с вами и выслушать ваши вопросы по поводу предстоящей акции.

Присутствующие, один за другим, вставали с места и кратко докладывали о себе. Подбором людей в группу занимались явно профессионалы. Насторожило присутствие двух пар. Хотя — одной пары, другие, похоже, не были близко знакомы друг с другом.

— Хорошо, — подвел итог Роберт, — вы все осведомлены о характере вашего задания и виде вашей деятельности. Связь со мной будите держать через корреспондентский пункт газеты «Вашингтон пост». По необходимости, найдете вот по этой карточке.

Он вынул из папки аккредитационную карточку корреспондента и, медленно продемонстрировал её присутствующим сидевшим полукругом в первом ряду.

— Что-то не так? — осведомился провожающий его сотрудник тренировочного лагеря, когда они вышли из здания.

— Смущает присутствие двух пар, слишком большой возраст.

— Ах, это! Одна пара — супруги, обеим за шестьдесят лет. Двое других, познакомились здесь, в лагере. Эти люди будут необходимы вам, когда нужно разогреть толпу, или пройти через кордоны полиции. Стариков там все ещё уважают.

Роберт согласно кивнул, продолжая анализировать состав группы. Немного подумав, он согласился — работа по подбору агентуры проведена на должном уровне. Там, на месте, можно будет внести отдельные коррективы и найти новых агентов.

[Купить полную версию книги](#)